

ГЛАВА 1

НЕОБЫЧНЫЙ ДРУГ

Сначала я расскажу о том, как завести нового друга, а про мёртвое тело поговорим позже. Такие уж каноны повествования: убаюкать читателя приятной обстановкой и живой беседой, познакомить с интересными персонажами, а потом — *бац!* — обнаружить труп.

Мой новый друг не был милой юной леди, с которой меня свела мамуля или бабуля Джейн. Это был мальчик! Причём мальчик-иностранец. По правде говоря, был он немного странноват. Но я решила, что придирааться не стоит: не каждый день мне светила новая дружба. Ну разве только вымышленная. Я мечтала о том, как в школе всем девочкам не терпится скрасить моё одиночество. Я придумала им имена, представляла, во что они одеты, переживала, когда они ссорились, и радовалась, когда мирились. Но, по правде, им до меня не было никакого дела.

Реальным человеком оказался совершенно необычный мальчик моего возраста.

Дело было в октябре; поздним субботним утром после урока танцев я зашла в кондитерскую мистера Диллона, которая располагалась на первом этаже под школой танцев «Наяда», что на Юнион-стрит. Я, как обычно, уделила внимание местной кошке Серолапке, почесав её ушки; со мной, как обычно, была Шарлотта. Когда же до мамыли дойдет, что человек, которому уже стукнуло двенадцать, в состоянии часок обойтись без няни?

Пока остальные девочки из моего танцевального класса, купив фиолетовой пастилы и сладких подушечек, разошлись со своими бесполезными нянями по домам обедать, мы с Шарлоттой задержались. Я предпочитала выбирать обдуманно, чтоб никто не стоял над душой. На людях я сильно терялась. Мамуля говорила, что застенчивость пройдет и что скоро я буду беседовать со взрослыми незнакомыми людьми так же легко, как с моим пёсиком Тони. Но с каждым разом, когда слова застревали у меня в горле, это «скоро», казалось, наступит совсем не скоро.

Поскольку только Шарлотте мамуля доверяла два пенса, дозволенные истратить на сладости, няня терпеливо ждала моего решения — такая была у неё работа: иногда ждать меня, оберегать и объяснять мне то, что следовало объяснить.

Моя сестра Марджори ходила в обычную школу, но по прошествии десяти лет, когда настал мой черёд, у мамыли сложились вполне определённые, не такие, как у других родителей, представления об образовании детей. Она полагала, что дети должны быть свободны, но им следует всегда находиться рядом с домом и под пристальным наблюдением няни. Больше свободы для тела и ума — больше мудрости и бла-

гополучия. Это означало: никакой школы, никакой гувернантки и никаких друзей.

Мамуля обучала меня истории и литературе, также мне в этом помогали книги из папиной библиотеки. Естествознание я постигала, исследуя сад. С религией и библейскими преданиями я знакомилась по воскресеньям во время посещения церкви Всех Святых. В школе «Наяда» под руководством мисс Мэриэнн я занималась танцами, а с другими учительницами играла на рояле и мандолине. Папа обучал меня математике, вот только мои умения в этой области пошли на спад с прошлого ноября, когда он умер. По арифметике я не скучала, а вот по папе — да, с каждым вздохом. Почти два года назад семейство Мортон, как и вся Англия, оплакивало кончину королевы Виктории, но теперь горе утраты настигло нас в нашем собственном доме. Горе — это рассказ, в котором никогда не бывает счастливой концовки.

Ни один из моих уроков, ни одна из прочитанных книг до сих пор не объяснили, как незначительное происшествие может так сильно повлиять на мир. Если бы только в ту субботу я, как обычно, взяла шоколадные конфетки, а не клубничное драже (из банки на верхней полке, до которой можно было дотянуться только с табурета)... И если бы Серолапка нашла другое время, чтобы наброситься на шнурки ботинок своего хозяина (так заманчиво свисавшие с того самого табурета)... И если бы дверной колокольчик, извещавший о появлении покупателей, так громко не зазвенел (отчего мистер Диллон резко повернулся)... Эктор Пэро не переступил бы порог лавки, оказавшись в неразберихе среди битого стекла и разбросанных конфет, и у нас не было бы причин говорить друг с другом.

Тогда я не заметила в происходившем никакой последовательности. Никто такого не замечает. Лишь

позже стало ясно, как мгновения, естественно следуя одно за другим, наслаиваются и незаметно меняют ход событий. Тогда же в лавке Диллона «Сладости и прочее» бедняжка Серолапка заверещала дурным голосом и скрылась за бочонком тростникового сахара. Мистер Диллон приземлился на свой внушительный зад, но помахал нам рукой на прощание, безуспешно пытаясь вернуться в вертикальное положение. Мы с Шарлоттой подступили ближе, носками ботинок сгребая в кучку осколки битого стекла и разлетевшегося клубничного драже.

Новый посетитель, о чьём приходе возвестил колокольчик, застыл у двери.

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — осведомился он.

Он говорил с акцентом, очень чётко выговаривая слова, а кожу его отличала молочная бледность. Голова юного визитёра с чёрными приглаженными волосами выглядела великоватой для его тощей фигуры. На нём была аккуратная тёмно-синяя матроска с безупречно чистым белым воротничком.

Он не смотрелся таким красавчиком, как Леонард, юноша, который работал у нас в саду и походил на главного героя дневного спектакля на сцене Королевского театра. Но его ярко-зелёные глаза вызывали в памяти лаймовый ликёр.

Глаза цвета лаймового ликёра? Агата Кэролайн Мортон, разве ты не достойна большего, чем это? Сверкающие изумруды? Свежий весенний лист? Перо из павлиньего хвоста?

— Мальчик, не сможешь мне? — попросил мистер Диллон, чей зад всё ещё покоился на полу среди осколков стекла.

Мальчик немедленно поспешил к нему. Я же подошла не так быстро, беспокоясь, что мистеру Диллону, быть может, неприятно находиться в таком положе-

нии. Будь я на его месте, мне было бы унижительно сидеть вот так, словно застрявший толстый жук, не способный встать на собственные две лапки. Хотя, будь я жуком, у меня было бы шесть лапок и, возможно, равновесие я бы удерживала лучше.

— Я найду джентльмена, который поможет нам, — сказала Шарлотта.

Она выскочила на улицу, заставив зазвенеть дверной колокольчик.

Между тем мальчик уже сжимал левое запястье и локоть мистера Диллона, пытаясь поднять его на ноги. Я быстро взялась за правую руку кондитера и упёрлась ногой в пол рядом с ним.

— Раз, два, три! — выкрикнула я. — Тянем!

— Un. Deux. Trois! — сказал мальчик. — Tirez!¹

Мистера Диллона всё же удалось поднять. Он покраснел, его усики дрожали, фартук перекрутился, а под ботинками хрустели конфеты.

— Что ж, большое тебе спасибо, — мистер Диллон поправил фартук и достал из кармана носовой платок. Он смахнул пот со лба и снял очки, чтобы вытереть влажные глаза.

В дверях появилась Шарлотта — она привела высокого молодого человека в полицейской форме.

— Ой! — сказала она. — Мы пришли слишком поздно.

Раскрасневшаяся и запыхавшаяся, она поспешила извиниться перед полицейским, которого призвала на помощь:

— Понимаете ли, когда я побежала за подмогой, мистер Диллон был на полу, и я... Понимаете ли, это все из-за табурета. И кошки. Констебль, боюсь, я зря вас побеспокоила.

¹ Один. Два. Три!.. Тяните! — *Фр.*